

Русская Императорская армия и Верховное командование зимой 1917 года: актуальные вопросы

1. В кампанию 1917 года решительное поражение войск германской коалиции выглядело неминуемым, а положение её гражданского населения — почти отчаянным: третьей военной зимой голодная смертность была бесспорным фактом бытовой жизни немецкого общества. Центральные державы, сдавленные в Европе в тисках двух фронтов, потеряли стратегическую инициативу, и перешли к обороне, которая не могла устоять перед новыми средствами вооруженной борьбы. С каждым месяцем противник все более уступал в силах государствам Антанты, рассчитывавшим вскоре достигнуть абсолютного преимущества за счет огромных ресурсов САСШ. Судьба войны решалась во Франции и Западной Фландрии, но подкрепленные тяжелой артиллерией и пополненные до внушительного превосходства в живой силе тринадцать русских армий, нависавших над австро-германцами с Востока по линии длиной более чем в 1,7 тыс. километров, представляли смертельную опасность для их глубокого тыла и коммуникаций. В то же время у ОХЛ¹, от чьей помощи целиком зависела боеспособность Австро-Венгрии, очевидно, не хватало резервов для того, чтобы парировать апрельские операции союзников, планировавших одновременное наступление на Западе и Востоке. В Передней Азии, где русское командование связывало более половины всех дивизий противника, положение Османской империи выглядело близким к катастрофе.

2. В Германии еще в начале XX века высказывалась новаторская точка зрения о том, что решающее значение для исхода европейской войны будет иметь не победа в сражении, а упадок физического и нравственного состояния одной из противоборствующих сторон. В 1907 году в Санкт-Петербурге, Генерального штаба подполковник Николай Головин в диссертации², представленной на соискание звания экстраординарного профессора Николаевской академии Генерального Штаба, «доказывал, что каждый бой (а, следовательно, и война) кончается не исчерпанием материальных

¹ ОХЛ (нем. *Oberste Heeresleitung*) — Верховное главнокомандование сухопутных войск.

² Головин Н. Н. Исследование боя: исследование деятельности и свойств человека, как бойца. СПб., 1907.

средств, а социально-психическим актом — отказом от борьбы морально ослабевшей стороны». В России усталость от военных тягот — по причине низкого уровня благосостояния и культурно-образовательного ценза основной массы населения — наступила зимой 1916/17 годов: раньше, чем у других её главных участников.

3. На фронте настроения нижних чинов выглядели противоречиво и, как показали результаты рождественских боев под Митавой, колебались в широком диапазоне: от готовности мужественно атаковать окопавшегося неприятеля и продолжать борьбу, до скрытых чаяний искреннего замирения, приятия революционно-пацифистской пропаганды и отказов выполнять приказы начальников. Зимой 1917 года «уже никто на фронте не чувствовал в войне веяния Божьей благодати, — отмечал поручик легкой полевой артиллерии Фёдор Степун. — Зато безумие её ощущали все, открыто связывая к тому же это безумие с глупостью и бессилием власти». Однако надо отметить, что вопрос о том, в какой степени войска Действующей армии сохраняли запас прочности для продолжения вооруженной борьбы вместе с союзниками изучен до сих пор недостаточно.

4. Накануне новой кампании Русская Императорская армия, несмотря на сохранявшийся дефицит поставок по многим важным позициям, и низкий уровень моторизации, все же обладала значительным накопленным потенциалом, поэтому ценность её боевых усилий для Антанты не подлежала сомнению. До окончательного перелома в войне оставались считанные месяцы.

5. Вместе с тем после кровавых потерь 1914–1916 годов, зачастую бывших прямым следствием низкой ценности человеческой жизни, технической слабости империи и скверного командования, произошло истончение и без того слабого гражданского слоя российского общества. К 1917 году, по сравнению с началом войны, материальная часть сражавшихся войск существенно улучшилась, а их огневая мощь безусловно возросла. Но состав нижних чинов и офицерского корпуса, потерявшего свою корпоративность и однородность, к 1917 году резко ухудшился, в том числе гвардейская пехота почти целиком утратила былую элитарность. Мобилизация миллионов необученных и необразованных людей, оторванных от семей и привычного образа жизни, вела к опрощению и необратимым изменениям армейского организма, почти два века игравшего важнейшую роль в жизни петровской империи и защите престола. Выбитые кадры старых военнослужащих заменяли взятые от сохи угрюмые землепашцы в солдатских шинелях, не видевшие особого

смысла в затянувшемся смертоубийстве. «Им опротивела эта бессмысленная война, — записывал 22 февраля 1917 года в дневнике Лев Тихомиров, — без цели, без надежды и они в таком настроении, что на все злятся». Вследствие массовых призывов командованием неустанно формировались новые части, лишённые сплочённости, исторических традиций и их живых носителей. Фронт и тыл заполонил вооружённый народ, погрязший во всем своем бескультурье и дремучести, в то время как царскосельская власть жила религиозно-политическим романтизмом, подкрепляя его ссылками на «божественные права» православного царя, и потеряв всякую связь с реальностью.

6. В итоге происходило неизбежное ослабление и разрушение *Regimental System* — полковой системы, использовавшейся при строительстве и развитии российских Вооружённых Сил с сороковых годов XVII века. Качество разбухшей, всесословной, и терявшей надёжность армии, поглощавшей бесчисленные пополнения из несоциализированных крестьян, падало гораздо быстрее, чем происходило преодоление «снарядного голода». Многочисленные запасные батальоны, сосредоточенные в столичных центрах, имевших необходимую инфраструктуру, неизбежно превращались в эпицентры копившегося недовольства и солдатского бунта. Вместе с тем Сергей Мельгунов справедливо относил к легендам «утверждение, что это сознательно было проведено теми, кто готовил “дворцовый переворот”». Речь шла не о «заговоре», а о плохом бюрократическом управлении, в первую очередь со стороны руководителей Военного министерства.

7. Одновременно Великая война обострила все застарелые проблемы царской России. Главной из них стал кризис петровской модели — архаичной системы управления, замкнутой на единственном человеке посредственных способностей, и не успевавшей эффективно реагировать на вызовы времени. «Глупость и бессилие власти» зимой 1917 года, о которых вспоминал Степун, усугублялись под влиянием личных симпатий Августейшей четы. Николай II и Александра Фёдоровна упорно вручали судьбу Российского государства таким негодным бюрократам как председатель Совета министров князь Николай Голицын, военный министр генерал от инфантерии Михаил Беляев и министр внутренних дел Александр Протопопов. Накануне массовых беспорядков ключевые посты в столице занимали: главный начальник ПВО, Генерального штаба генерал-лейтенант Сергей Хабалов, градоначальник генерал-майор Александр Балк,

отягощенные болезнями начальник войсковой охраны генерал-лейтенант Александр Чебыкин и его заместитель Л.-гв. полковник Владимир Павленков, почти спившийся директор департамента полиции МВД действительный статский советник Алексей Васильев, по своим качествам и способностям не соответствовавшие занимаемым должностям. Концентрация в Петрограде слабохарактерных и плохих управленцев свидетельствовала о глубоком кризисе бюрократической системы самодержавия, поощрявшей безынициативность и нежелание брать на себя ответственность. Вышеперечисленные лица, а не генералы Михаил Алексеев или Василий Ромейко-Гурко, несли ответственность за безопасность города, получали всю необходимую информацию, и должны были учитывать не только вероятность рабочих волнений, но и бунта «запасных» в гарнизоне.

8. Вместо сознательного сложения разнонаправленных политических векторов путем уступок и объединения всех усилий в общенациональных интересах, Николай II, находившийся под сильным влиянием жены, ценой конфликта с Думой стремился сохранить в неприкосновенности остатки романтического самодержавия.

9. Зимой 1917 года управленческая несостоятельность лишь усиливалась, в то время как практические действия Протопопова и Беляева, например, по переподчинению ПВО и его обособлению от Действующей армии, имели негативные последствия. Власть разучилась видеть перспективу, например, недооценив последствий локаута на одном из главных столичных заводов и мгновенного увольнения на улицу десятков тысяч рабочих. Она не смогла справиться с логистикой в области организации транспорта, снабжения, рационарования продовольствия, а также не сумела разгрузить за полгода Петроград от «запасных» и тыловиков, чтобы обеспечить регулярное пребывание в столице сменных кавалерийских частей. Поэтому популярная версия о чьей-то *злой воле*, якобы нарочно препятствовавшей изменению состава войск петроградского гарнизона накануне февральских беспорядков, не более чем исторический миф, призванный оправдать властное бессилие, созданное Высочайшим безволием. В действительности речь шла о бюрократической немощи руководителей Военного министерства, командования ПВО и местных чиновников принять все необходимые меры для ротации и размещения основной массы «запасных» за пределами столицы.

10. Нелестные оценки и критические настроения по отношению к Августейшей чете распространились даже среди групп,

ранее считавшихся вполне благонадежными, включая гвардейских офицеров и петроградских юнкеров. В известном смысле верноподданные монархисты в разных слоях и группах испытывали состояние своеобразного психологического дискомфорта.

11. Монархически настроенные Ставка и высший генералитет, судя по известным источникам, предвидели опасность революционного взрыва и прозорливо предсказывали его неизбежные последствия. Определенную роль в нагнетании страстей играла и устойчивая легенда о «германофильстве» императрицы, якобы желавшей заключения сепаратного мира, и в то же время близкие к царской семье люди сомневались в душевном равновесии Августейшей четы. В обществе крепла мысль о кризисе государственного управления не по вине царского окружения, а самого монарха. Так формировалась благоприятная среда и психологическая атмосфера для конспиративных замыслов, а концепция спасения престола путем дворцового переворота и установления полного конституционно-монархического строя, родившаяся в конце 1916 года в праволиберальных кругах, в теории выглядела логично для той ненормальной ситуации, в которой жила взбудораженная страна.

12. Однако ныне известные намерения заговорщиков, чьи мотивы поведения определяли и личные амбиции, и патриотические переживания, носили дилетантский и авантюрный характер. Между частными разговорами современников, таких, например, как генерал Михаил Алексеев и вице-адмирал Александр Колчак, пускай даже содержащими резкие отзывы в адрес Августейшей четы, и личным участием в практической подготовке переворота лежала большая дистанция. Ни тифлисский городской голова Александр Хатисов, ни князь Георгий Львов, пытаясь вовлечь в заговор двух наиболее авторитетных военачальников, не достигли поставленной цели. Известные на сегодняшний день источники (воспоминания Хатисова, письмо Михаила Родзянко от 18 марта 1917) позволяют утверждать, что Великий князь Николай Николаевич и Алексеев — независимо друг от друга — *не одобрили* даже отвлеченную идею дворцового переворота, не говоря уже о том, чтобы в любой форме самим присоединиться к его организаторам. Не установлены и достоверные сведения о какой-либо конспиративной деятельности генералов Николая Рузского, Алексея Эверта, Алексея Брусилова и Владимира Сахарова.

13. Неотложная работа по подготовке назначенных апрельских операций требовала личного присутствия в Ставке Алексеева и Николая II, отмечавшего необходимость «направить все

дела здесь», как и полагалось Главковерху по должности. Вопреки всем конспирологическим версиям, ставшим по замечанию советского историка Генриха Иоффе, «позднейшим отражением напряженной обстановки, тревожных слухов и толков о заговорах», ничего подозрительно-потаенного в их совместном приезде в Могилёв не было.

14. В то же время к началу последней декады февраля 1917 года, накануне возвращения Николая II в Могилёв, государственное управление никак не изменилось и психологическое напряжение не исчезло. Русский царь не хотел, чтобы подчиненный генералитет вмешивался в политику, в то время как политика уже *определяла* судьбу Действующей армии, чья боеспособность целиком зависела от безопасности тыла и бесперебойного снабжения. По оценкам самого Николая II при перерывах в поставках войскам хватало бы текущих запасов лишь на три-четыре дня, а затем им грозил «настоящий голод». Поэтому массовые волнения и беспорядки в Петрограде, вспыхнувшие 23 февраля, в первую очередь должны были отразиться на состоянии военных перевозок для армий Северного фронта генерала Рузского.